

жает как несущую в себе для православных больше свободы, нежели политика руководства Речи Посполитой («панства христианского») в отношении собственного православного населения после введения унии 1596 г. [3, с. 130].

Далее Афанасий вспоминает, что в польском Кракове он подвергся оскорбительным выражениям «турко-гречин» и «схизматик» [3, с. 135]. Можно предположить, что подчинение турецкому султану константинопольского патриарха, под юрисдикцией которого тогда находилась Киевская митрополия, в глазах части католиков лишней раз подтверждало «раскольнический статус» православных, «утративших» благоволение от Бога и папы римского.

Симеон высказывает царю Федору пожелание, чтобы тот покориł некоего таинственного гордого греческого царя, поэтически изображенного под десятым знаком зодиака в виде горного козла. Он призывает Федора отвоевать у турок Константинополь, «престольный град греческий», и взять его в свои «христианские руки», о чем и «воссылает молитвы». Призыв к царю Федору подчинить также и «скифские страны» звучит как просьба реализовать замыслы своего предшественника, царя Алексея Михайловича. Поэт не только излагает идею духовного преемства Федора от императора Константина, но прямо заявляет о прямой политической преемственности: «буди [царь Федор – П. В.] стяжатель купно и державы [Константина – П. В.]» [7, с. 127–128].

Таким образом, Симеон высказывает идеи духовного и политического преемства московского царя Федора от византийских императоров, права царя на Константинополь, призвания крестить («просветить») турок [7, с. 132]. Наряду с «греческой составляющей» в типе образованности Афанасия Филипповича и Симеона Полоцкого, в их трудах византийское наследие проявилось и в церковном, и в государственном аспектах. В произведениях присутствуют положительные образы византийского императора Константина Великого, его матери царицы Елены, императрицы Феодоры, отчасти и Иоанна VIII Палеолога. Факт крещения Руси используется для подтверждения особой духовной связи Русской церкви с патриархами «Нового Рима» в противовес притязаниям на русские земли со стороны папы «Рима Старого».

1. Афанасій Філіповіч // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. – Т. 1 : Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя. – Мінск : Бел. навука, 2006. – С. 586–611.
2. Дзярновіч, О. І. Сны о Византии? Место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы / О. И. Дзярновіч, В. Бырлэдзяну, Л. Тимошенко. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 330 с.
3. Коршунов, А. Ф. Афанасий Филиппович: жизнь и творчество / А. Ф. Коршунов. – Минск : Наука и техника, 1965. – 183 с.
4. Мысліцелі і асветнікі Беларусі : энцыкл. даведнік / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1995. – 671 с.
5. Преподобномученик Афанасий, игумен Брестский // Мельников, А. А. Путь непечален: исторические свидетельства о святости Белой Руси. – Минск : Издание Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, 1992. – С. 205–216.
6. Сазонова, Л. И. К истории создания «Рифмологiona» Симеона Полоцкого / Л. И. Сазонова // Славяноведение. – М. : Наука. – 2011. – № 2. – С. 19–35.
7. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подг. И. П. Еремина. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 281 с.
8. Флоря, Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) / Б. Н. Флоря // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. – Ч. 11. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – С. 108–148.

Маловичко С. И.

БОЛЬШАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СТРУКТУРЕ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАЦИЙ XVIII В.¹

В XVIII в. в исторической культуре Европы формируется современная структура исторического знания, которая будет трансформироваться в исторических культурах XIX и XX вв. Кроме научных статей она включала [историческое] описание (Description, Beschreibung), записки (Notes, Notizen), начертание (очерк) (Abriß), опыт (Essai, Essay, Versuch) и др.

Помимо указанных форм историописания, особую роль выполняла многотомная история – *большая история* («большой нарратив») о национальном прошлом. Такая история многими своими чертами отличалась от национально-государственных нарративов XIX в. – первыми опытами которых стали многотомные «История швейцарской конфедерации» И. Мюллера и «История государства российского» Н. М. Карамзина.

Современными историками признается отличие больших национальных историй XVIII в. от национально-государственных нарративов, но в историографии как большие национальные истории, так и национально-государственные нарративы традиционно называют «национальной ис-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

торией» (иногда в структуре исследований «национальная история» XVIII в. отделяется от «национальной истории» XIX в. [см., напр. : 10, р. 28–79, 80–139]).

Не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история», например, Л. П. Репина проекты о национальном прошлом XVIII в. назвала «государственно-историческими» [5, с. 77–78], а А. Лиакос дал им название «преднациональной истории» [14, р. 316]. Мне представляется вполне корректным называть последнюю «большой национальной историей», что позволяет не смешивать ее с национально-государственным нарративом XIX в. Иногда – для удобства – я буду использовать понятие «полная история» – именно так в начале XVIII в. ее назвал кн. Ф. А. Куракин, а затем В. Н. Татищев и уже во второй половине века в «Опыте исторического словаря русских писателей» Н. И. Новиков [1, кн. 1, с. 42; 7, кн. 1, с. 30; 3, с. 250].

Об отличительных чертах больших национальных историй и национально-государственных нарративов XIX в. мне уже приходилось писать [4, с. 169–170]. Задачей данного исследования является выявление признаков, позволяющих выделить эту форму историописания как вид историографических источников из других видов исторических произведений, присутствовавших в культуре XVIII в.

Исследование проведено в предметном поле источниковедения историографии, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории.

Историографическими источниками для исследования выбраны большие национальные истории XVIII в. российских авторов: В. Н. Татищева, Ф. А. Эмина и кн. М. М. Щербатова, британских: Д. Юма и У. Робертсона, немецких: Х. фон Бюнау, К. Ф. Паули и М. И. Шмидта, французского: П. Ф. Велли.

В XVIII в. в иерархии видов исторических повествований первой признавалась «всеобщая» или «универсальная» история («*Histoire générale. Histoire universelle*») после которой следовала история «частная» («*Histoire particulière*»), включавшая разные объекты исторической рефлексии, в том числе национальную историю [12, vol. 1, p. 878; 6, ч. 3, стб. 317–318].

Ответом авторов больших национальных историй стало использование риторических приемов, возвышающих статус «своей» истории перед читателем («всякому народу и области знание своей собственной истории и географии весьма нужнее, нежели посторонних» (В. Н. Татищев), «самым достойным для изучения вдумчивым человеком является история отечества» (П. Ф. Велли) [7, кн. 1, с. V; 20, vol. 1, p. IX]), актуализация авторами значимости отечественной истории «для пользы общественной» (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. V, XXVII] или, например, сравнение истории Пруссии с самым «любимым человеком» (К. Ф. Паули) [16, bd. 1, s. 12 (нумер.)]. Свои исторические наррации историописатели иногда называли: «*histoire nationale*» (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. 2], «*Geschichte des Vaterlandes*» (К. Ф. Паули) [16, bd. 1, s. 11 (нумер.)], «отечественная история» (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. VI] и т. д.

Авторы больших национальных историй осознавали отличие выбранной формы изложения истории от иных форм исторических нарративов. Например, они сообщали о внимании к уже изданным большим национальным историям Шотландии (М. И. Шмидт) [19, bd. 1, s. 17, 19] или Франции (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. XXXII], о том, что знакомство с подобными зарубежными трудами позволяет «общую из оных составить систему» подготовки таких историй (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. XXXII].

«Полные истории» о национальном прошлом и рефлексия их авторов о модели презентации материала демонстрируют, что обращение к национальному прошлому в немалой степени было вызвано интересом к общему (по крайней мере – европейскому), они старались рассмотреть то, как общие нормы и универсальные ценности претворяются в истории их народа или страны (Х. фон Бюнау, У. Робертсон, М. М. Щербатов и др.) [11, bd. 1, s. 10 (нумер.); 17, vol. 1, p. 1; 8, т. 1, с. XV].

Историки рефлексировали о масштабе национальной истории, в которой следует обращать внимание на обычаи, культуру, науку, государственное и церковное управление (М. И. Шмидт) [19, bd. 1, s. 22], отмечали, что история должна приносить общественную пользу, поэтому нужно описывать не только «блеск военных подвигов», а историю правителей и государства, политику и религию, военное устройство, полезные изобретения и т. д. (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. X].

Следующий признак, присущий «полным историям» XVIII в. – манифестировался самими ее авторами – поиск «начала» своего народа. Историки старались подчеркнуть важность и сложность такого поиска (Д. Юм) [13, vol. 1, p. 1], они замечали: «...судьба известных народов – не имеет никаких памятников, подтверждающих их происхождения» (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. 1–2] или: «Естьли и во всякой истории, а паче о древних временах, обретаются многие трудности; то можно сказать, что Российская история толь ими преизнаполнена (М. М. Щербатов)» [8, т. 1, с. 18].

В связи с тем, что объектом внимания историков было прошлое страны или народа, об истории которых уже были написаны труды, многие авторы критиковали своих предшественников, например, манифестируя идеи «новой истории Франции» (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. X–XI], первого опыта «подробной» или «исправной» истории страны («... никакая подробная история Прусской

империи еще не была представлена подданным и соседям» (К. Ф. Паули) [16, bd. 1, s. 6–7], «... многие государства <...> тщатся иметь исправную своего отечества историю<...>. Одни только мы ныне не следовали сему общему предприятию» (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. VI] и т. д.

Большие национальные истории XVIII в. позиционировали универсальность опыта прошлого и существует мнение, что такой способ историописания (в отличие от XIX в.) характеризовался «космополитическим подходом к вопросам национальной истории» [см. : 15, р. 12]. Однако нужно иметь в виду, что авторы XVIII в. никогда не теряли из вида свой народ. Практика самопрезентации истории «своего» – в немалой степени заключалась в позиционировании его особенностей, сконструированным таким образом, чтобы они выгодно отличали «свое» от «чужого» (напр. : «Россия не так, как другие страны...» (М. М. Щербатов) [8, т. 1, с. II]). В больших национальных историях присутствовала критика тех историописателей (чаще иностранных), кто «принижал» развитость или величие «своего» (Ф. А. Эмин, М. И. Шмидт и др.) [9, т. 1, с. XXI; 19, bd. 1, s. 17, 19], авторы «полных историй» при случае пытались усилить значимость «своего» (напр. : «именно в Англии появились превосходные гении...» или «... в большей степени, чем в других монархиях» и пр. (Д. Юм) [13, vol. 6, p. 454, 531, 541]).

Конечно, авторы больших национальных историй уделяли большое внимание вопросам периодизации «своей» истории, ее территориальным рамкам. Как и в иных видах исторических нарративов XVIII в. в «полной истории» доминировало представление о возможности получения из знания о прошлом поучительных примеров для настоящего.

Большая национальная история XVIII в., как и национально-государственный нарратив последующего времени имела целью формирование национальной идентичности [2, с. 390]. А. Л. Шлёцер эту цель (применительно к немецкой истории) выразил так: «общая немецкая история» должна «дать ответ на вопрос: как возникла Германия?» [18, bd. 1, s. 2]. Такая история, воспринимавшаяся авторами как особый вид исторической нарративации, имеет важный дефинирующий признак – непрерывное линейное повествование о происхождении народа / страны в форме самопрезентации как вид историографических источников относится в группе видов социально ориентированного историописания.

Приведенные признаки большой национальной истории XVIII в. позволяют выделить ее в пространстве форм историописания, в которых позиционировалась национальная история (опыт, записки) или ее отдельные вопросы / локальные объекты и т. д. (научные статьи, исторические описания). Близкой по признакам выступает группа видов историографических источников – учебная книга по национальной истории (учебник, учебное пособие, книга для чтения). По типу презентируемого в XVIII в. исторического знания учебная книга по национальной истории вместе с большой национальной историей и местной историей являются основными формами реализации социально ориентированного знания.

1. Архив кн. Ф. А. Куракина : в 10 кн. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский [и др.] ; редкол.: М. Ф. Румянцев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. – 685 с.
3. Новиков, Н. [И.] Опыт исторического словаря о российских писателях, с разных печатных и рукописных книг, сообщенных известиях, и словесных преданий. – СПб. : Тип. Н. Новикова, 1772. – 276 с.
4. Прошлое для настоящего : История-память и нарративы национальной идентичности : колл. монография / А. Г. Васильев [и др.] ; под. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2020. – 464 с.
5. Репина, Л. П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости / Л. П. Репина // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. – М. : ИВИ РАН, 2010. – С. 77–78.
6. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1789–1794.
7. Татищев, В. Н. История Российская с древнейших времен / собранная и описанная Василием Никитичем Татищевым : в 4 кн. – М. : При Имп. Моск. ун-те, 1768–1784.
8. Щербатов, М. [М.] История российская с древнейших времен : в VII т. [15 ч.]. / М. [М.] Щербатов. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1770–1791.
9. Эмин, Ф. [А.] Российская история жизни всех древних от самого начала России государей в 3 т. / Ф. [А.] Эмин. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1767–1769.
10. Berger, S., Conrad, C. The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe / Stefan Berger with Christoph Conrad. – New York : Palgrave Macmillan, 2015. – 592 p.
11. Büna, H., von. Genaue und umständliche Teutsche Kayser - und Reichshistorie aus den bewährtesten Geschichtsschreibern und Urkunden zusammengetragen : 4 bd / Heinrich Graf von Büna. – Leipzig : J. F. Gleditschens, 1728–1743.
12. Dictionnaire de l'Académie Française : 2 vol. – 4ème éd. – Paris : Bernard Brunet, 1762.
13. Hume, D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688 : in 6 vol. / D. Hume. – London : A. Millar, 1754–1762.
14. Liakos, A. The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies / A. Liakos // Transnational Challenges to National History Writing // ed.: M. Middell, L. Roura. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – P. 315–342.
15. O'Brien, K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon / K. O'Brien. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 249 p.
16. Pauli, K. F. Allgemeine Preussische Staats-Geschichte, samt aller dazu gehörigen Königreichs, Churfürstenthums, Herzogthümer, Fürstenthümer, Graf-und Herrschaften, aus bewährten Schriftstellern und Urkunden bis auf gegenwärtige Regierung : in 8 bd / K. F. Pauli. – Bd. 1. – Halle : Druck Ch. P. Franckens, 1760. – 650 s.

17. Robertson, W. History of Scotland During the Reigns of Queen Mary and of King James VI / William Robertson // The Works of William Robertson : in 10 vol. – London : T. Tegg, 1826.
18. Schlözer, A. L. Vorstellung seiner Universal-Historie / August Ludwig Schlözers, prof. in Göttingen : in 2 bd. – Göttingen ; Gotha : Dieterich, 1772–1773.
19. Schmidt, M. I. Geschichte der Deutschen / Michael Ignaz Schmidts : in 5 bd. – Ulm ; Wien, 1778–1785.
20. Velly, P. F. Histoire de France depuis l'établissement de la Monarchie Jusqu' au regne de Louis XIV : 7 vol. / P. F Velly. – Paris : Chez Desaint & Saillant, 1755.

Посохов С. И. ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Проблема историографических источников достаточно давно обсуждается исследователями. В настоящее время она вновь актуализирована в связи со становлением источниковедения историографии – предметного поля в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. В частности, С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, которые активно разрабатывают такого рода проблематику, отметили специфику формирования этого предметного поля в социокультурной ситуации постмодерна. Они утверждают, что происходит размежевание – вплоть до полного разрыва и параллельного сосуществования – научного исторического знания и социально ориентированного историописания [5, с. 6; 6, с. 203]. В этом контексте возникает необходимость более детального изучения конкретных видов историографических источников, в том числе тех, которые долгое время вообще не рассматривались в качестве таковых.

В частности, сконцентрируем внимание на таком источнике как путеводитель, который является собой особый вид информационного издания. В данном случае, речь идет о путеводителях по стране и городу (то, что называется Guidebooks). Такие книги получили распространение еще в XIX в. в связи с появлением новых транспортных возможностей и развитием туризма [См. об этом: 11].

Путеводители как один из жанров популярной (нехудожественной) литературы уже не раз попадали в поле зрения исследователей. В последнее время было опубликовано немало новых интересных работ [2, 10, 15, 16 и др.]. Отметим также состоявшийся в Тарту международный научный семинар «Путеводитель как семиотический объект» [4].

В данном случае, обратим более пристальное внимание на статью А. И. Тарасенко [13], где путеводители характеризуются как исторический источник. Нельзя не согласиться с основными выводами, которые сформулированы автором. Вместе с тем, в упомянутом тексте можно обнаружить и определенные противоречия. В частности, отмечается, что путеводители появились тогда, когда был накоплен значительный комплекс информации, когда возникла необходимость сообщать ее достаточно широкому кругу читателей в более или менее сжатой форме [13, с. 260]. Однако далее можно прочесть о том, что «краеведы-профессионалы», которые создали эти книги, «старались придать своим работам расширительное толкование, ...заменяя отчасти научные труды и затрагивая широкую проблематику, выходя за пределы информации о конкретном городе или историческом памятнике» [13, с. 261]. А. И. Тарасенко также пишет о том, что «при изучении текста вряд ли могут возникнуть сомнения в достоверности фактов, бывших известными достаточно широкому кругу людей, в фальсификации которых не было и не могло быть никакой необходимости». Вместе с тем, с другой стороны, она все же обращает внимание на то, что необходимо «...учитывать и общий уровень знаний о предмете, характерный для времени создания изучаемой литературы. Такой многоуровневый подход к проверке сведений позволяет нам отличить преднамеренную фальсификацию от случайной ошибки или распространенной в тот период точки зрения» [13, с. 263].

Отчасти эти противоречия связаны с пониманием автором роли путеводителей как таковых, попыткой охарактеризовать их именно в качестве исторических источников. Осуществляя классификацию путеводителей, автором в основу были положены «объем, полнота и достоверности той информации, которая характеризует развитие курортно-туристического дела (именно с ним напрямую связано издание подобного рода литературы, да и, по большому счету, сам факт ее появления)» [13, с. 264]. Отчасти на имеющийся в статье утверждения повлиял сам объект изучения – а именно, путеводители по Крыму, который преимущественно является туристическим регионом.

Вместе с тем, на сегодняшний день замечено, что, хотя путеводители и были рассчитаны прежде всего на туристов, однако не следует отрицать также их определенное влияние на формирование идентичностей жителей того или иного города и региона, сделан важный вывод о том, что эти тексты включены как в рекламный, так и в политический, и идеологический дискурсы. Впрочем, последнее обстоятельство даже ставит под сомнение ценность этого вида источников, в частности советского времени. Вообще, нормой в последние пару десятилетий стало в каждом понятии и каждом эпитете, которые использовались в официальных текстах советского времени, видеть идеологему, т. е. идеологический продукт. По мнению М. В. Калашникова, «...отнесение понятия к разряду идеологем и, соот-